

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЦИКЛОН С ВОСТОКА

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Циклон с востока

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Циклон с востока / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-188137-5

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». 1944 год. После Сталинграда и Курской дуги немцы уже не в силах наступать. Понимая это, советское командование решает перебросить с Дальнего Востока на западный фронт часть дивизий, противостоящих Японии. Вермахт настаивает, чтобы союзники помешали этой переброске. Японцы засылают на нашу территорию диверсионную группу с задачей – повредить коммуникации и уничтожить важные объекты. Нейтрализовать противника поручено отряду майора Максима Шелестова. Он разрабатывает необычный план, понимая, что на этот раз ему придется жертвовать кем-то из своих товарищей... Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе. (С. Кремлев)

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188137-5

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Тамоников

Циклон с востока

© Тамоников А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Маньчжурия. Сухие степи, предгорья Хингана. Летом здесь жара, которая раскаляет камни и высушивает хилую кустарниковую растительность. Зимой пронизывающие ветра, которые гонят поземки, выстуживают и без того ледяные камни. Чтобы полк занял позиции на границе, сменив пограничные части, встал заслоном на пути 700-тысячной Квантунской армии, пришлось привозить буквально все: воду, строительные материалы, дрова для отопления казарм и блиндажей. Вся вновь созданная Дальневосточная армия зарывалась в пески, вгрызалась в камни, расчищала дальневосточную тайгу. Но в тайге была древесина, была вода. Здесь же, в предгорьях Хингана, было тяжелее всего.

Нападения Японии на Советский Союз ждали каждый день. На западе вовсю уже грохотала Великая Отечественная война, фашистские орды рвались на восток: на Украину, к Москве, к Ленинграду. Там, на западных границах, героически гибли пограничники, не отходя со своих позиций, там умирали защитники Брестской крепости, в карельских скалах насмерть бились части Красной армии. А Дальневосточная армия сидела в окопах, воины напряженно смотрели на линию границы, сжимали винтовки, рукоятки пулеметов, ждали атаки. Каждый час, каждый день. Из дня в день, из месяца в месяц. Выматывающее ожидание, когда сдадут нервы, когда лопается терпение, когда хочется биться головой о камни, стрелять, лишь бы не сидеть и не ждать. Почти все: и рядовые бойцы, и командиры – писали рапорты с просьбой отправить на фронт. Бойцы с завистью смотрели на эшелоны, увозившие целые дивизии с Дальнего Востока на запад, на фронт.

И тогда враг решил устраивать провокации, он хотел заставить советское командование поверить в то, что война может начаться в любую минуту. То на одном участке границы, то на другом вдруг появлялись японцы с танками. Они разворачивались на виду советских позиций в атакующие порядки и шли в сторону границы. Молча, не стреляя, они приближались к линии государственной границы: к контрольно-следовой полосе, к заграждениям из колючей проволоки... и уходили назад, вглубь оккупированной китайской территории. Это происходило то на одном участке обороны, то на другом.

Сегодня ранним январским утром дозорные доложили о гуле моторов, раздававшемся с сопредельной стороны. Полк подняли по тревоге, и батальон Ивашова, как и другие подразделения полка, занял свои позиции. Около часа бойцы напряженно прислушивались к гулу моторов, не видя японцев. С командного пункта полка уже трижды приходили сообщения держать себя в руках и не поддаваться на провокации японских милитаристов. А потом все увидели танки. Они шли колонной, поднимая гусеницами снежную пургу. Расчеты «сорокапятков» в боевых позициях батальонов открыли ящики со снарядами. Наводчики прицелились.

Танки все ближе, вот они развернулись в цепь и встали. Ивашов вздохнул. А если это не все? А если сегодня как раз все и начнется? Комбат стиснул пальцами бинокль. Он увидел японских пехотинцев. Они выбегали откуда-то из-за танков и тоже разворачивались в цепь. Еще несколько минут, и вся армада двинулась вперед, к границе. Минута, две, три! Японцы не стреляли. Капитан Ивашов опустил бинокль – теперь он видел противника уже невооруженным глазом. Подбежавший с сообщением ординарец упал рядом и, набрав в горсть снега, вытер лицо.

– Товарищ капитан! С КП полка передают не поддаваться на провокацию, не стрелять.

– Да знаю, знаю, – проворчал Ивашов и, не поворачивая головы, приказал: – Передать по цепи. Не стрелять! Без приказа не стрелять!

– А если они первыми, а если перейдут границу? – нервно спросил командир первой роты.

– Не будут они стрелять! – отрезал Ивашов. – Не дураки же они. У нас полковая артиллерия на прямой наводке стоит. А они без артподготовки идут. На укрепленные позиции, между прочим. Они, думаешь, не знают, что мы три года здесь в камень зарывались!

Капитан снова приложил бинокль к глазам, но опомнился, опустил его, поскольку и так японцев было видно, и нервно сплюнул. Все, что он говорил ротному командиру, было правильно и логично. Убедительно. Только вот на войне часто происходят вещи и нелогичные. И люди гибнут вне всякой логики, и войны начинаются, мать их... А японская пехота уже близко, первые ряды почти дошли до колючей проволоки. Ивашов стиснул кулаки. «Еще пять минут, и мне придется отдать приказ открывать огонь. – Эта мысль была простая и привносила в душу даже какое-то успокоение. – Сейчас японцы пересекут государственную границу, и мы начнем стрелять. И все будет понятно и предельно просто. Вот враг, он посягнул на нашу землю. И наш долг, долг воинов своего Отечества, этого врага отогнать или истребить. И никаких уже сомнений и терзаний! Ну же, гады!»

Японцы остановились по ту сторону колючей проволоки всего в паре десятков метров от нее. Взрели моторы танков, выбросив в воздух струи темного дыма. Танки рванули вперед и тут же развернулись на месте, зацепив гусеницами ограждение из колючей проволоки. Развернулись и... пошли назад. Повернулась пехота и быстрым шагом стала удаляться. Все... Спектакль на сегодня окончен... Ивашов опустил голову на руки. Только сейчас он почувствовал, что под полубрюхом у него мокрая от пота спина.

Штаб Квантунской армии располагался в большом трехэтажном здании, занимавшем целый квартал в городе Синьцзин, столице марионеточного государства Маньчжоу-Го, образованного Японией в Маньчжурии.

Полковник Икэда вошел в кабинет командующего и замер, в вежливом приветствии склонив голову. Жесткий накрахмаленный воротник впивался ему в шею, но разведчик терпел. Принятые при дворе императора манеры должны соблюдаться и за пределами империи. Командующий Квантунской армией, смотрел на визитера строго, недовольно и высокомерно.

– Это недостойно, – холодно заметил генерал. – Офицер императорской армии расхаживает в гражданском сюртуке, в то время как вся Маньчжурия трепещет, преклонив колени перед величайшей армией. Вы боитесь, что грязные китайские крестьяне, узнав в вас полковника японской армии, сразу нападут на вас. Не заставляйте меня усомниться в вас, полковник Икэда.

Возражать и что-то объяснять было нельзя. Икэда обязан был почтительно молчать и внимать. Не стоило объяснять армейскому генералу, что работа разведчика заставляет избегать появления в общественных местах в военной форме. Ни к чему привлекать к себе внимание на оккупированной территории, тем более полковничьими погонами японской императорской армии. Увы, так часто бывает и в других армиях, когда армейское руководство выражает недовольство и даже презрение к рыцарям «плаща и кинжала», как в Европе иногда называют офицеров разведки, поскольку считают их методы ведения войны недостойными в борьбе с противником. Увы, им не понять, каковы были бы их победы, если бы не разведка и не контрразведка.

Высокомерно вздернув подбородок, генерал прошелся по кабинету и уже возле самой двери соизволил обернуться.

– Вас ждет полковник Асано. Не смею задерживать.

Выждав пару минут, собравшись внутренне, Икэда попытался по древней методике самураев восстановить душевное и эмоциональное равновесие. Сделать этого полностью не удалось. Что-то сломалось внутри полковника, его дух ослабел. Нет, надо брать себя в руки, иначе нельзя будет работать, иначе он не сможет делать то, что от него ждут здесь, в Маньчжурии. А ведь он довольно успешно работал в среде китайских повстанцев, в неоднородной среде рус-

ских эмигрантов. Благодаря работе полковника Икэды удалось предотвратить множество террористических актов партизан, восстаний целых районов.

Дежурный офицер в коридоре назвал номер комнаты, в которой Икэду ждал полковник Асано.

– Что вам наговорил командующий? – улыбнувшись только глазами, спросил Асано. – Он был чем-то недоволен?

– Он успел вам рассказать о нашей беседе? – удивился Икэда, стиснув зубы, отчего его широкие скулы шевельнулись.

– Мне не нужно встречаться с генералом Хирохито, чтобы это понять. – Асано протянул руку и указал на кресло. Кабинет был устроен по европейскому образцу. – Вы слишком возбуждены, я вижу гнев в ваших глазах. Увы, тот, кто смотрит на мир слишком узко и видит только хорошее или только плохое, обречен на неудачу. Взгляд, особенно взгляд воина, должен охватывать больше пространства. Только тогда он увидит больше опасности или больше преимуществ для себя. Наше положение в Маньчжурии довольно сложное. Не думайте о Хирохито. Его взгляд – это его война, а у нас с вами будет своя.

– Вот как? – удивился Икэда. – Я поступаю в ваше распоряжение и перехожу в отряд «Асано»?¹

– Нет, полковник. – Глаза Асано стали холодными. – Но мы будем работать с вами вместе.

– Неужели начинается? «Тэйкоку Рикугун»?² – Глаза Икэды загорелись.

– Пока нет, – качнул головой Асано, – но планы императора нам неизвестны. Только он принимает решения. Но русские должны думать, что война вот-вот начнется. Их нужно держать в постоянном напряжении. Наша задача совместными усилиями организовать крупную диверсию здесь, в Дальневосточном регионе Советского Союза. У нас нет полного доверия тем русским, которые пошли на службу в японскую армию, которые сотрудничают с нашей разведкой. В них нет такого особого духа, который есть у истинных сыновей Ямато.

Шелестов выключил люстру, оставив включенными только настольную лампу под зеленым абажуром и торшер возле дивана. Платов сразу открыл глаза, потер лицо ладонями и одобрительно кивнул, увидев, что Шелестов разливает по стаканам крепкий чай. Перелет в холодном транспортнике, который попал в снежный фронт и вынужден был садиться на запасной аэродром, потом переезд по бездорожью на вездеходе. Да плюс почти две бессонные ночи. Горячий чай был кстати.

– Может, коньяку в чай? – спросил Максим. – Хоть согреетесь.

– Нет, спасибо, – тихо ответил комиссар госбезопасности. – Алкоголь – вещь двоякая. Мгновенный положительный эффект, а потом обратная реакция. И хоть ты тресни, а глаза закрываться будут еще сильнее. Обычная реакция сердечно-сосудистой системы человека. И давай потише говорить, пусть твои ребята отоспятся.

Группа спала «без задних ног», как любил говорить Буторин. Платов не стал будить оперативников, полагая, что довести основную важную информацию можно только до Шелестова. За время перелета до места он вполне может поделиться ею со своими товарищами. Да и на месте им придется изучать ситуацию, принимать решение самим. Из Москвы в такой сложной ситуации не накомандуешься.

– Через шесть часов ваша группа, Максим Андреевич, вылетает в Хабаровск, – задумчиво поглаживая пальцами бок металлического подстаканника, сказал Платов. – Мне еще

¹ Отряд «Асано» был сформирован при штабе Квантунской группировки в 1936 году. Он представлял собой вооруженное подразделение из прошедших военную подготовку русских белоэмигрантов под командованием японского полковника Асано и предназначался для ведения разведывательно-диверсионной деятельности и военных действий против СССР. За несколько лет, к 1944 году, численность отряда «Асано» была увеличена до пяти рот.

² «Сибирский поход японской армии» – так был закодирован план нападения Японии на СССР в документах.

нужно закончить ваши дела здесь, в Горьком, и вернуться в Москву. Так что на весь инструктаж у меня не больше часа.

– Хабаровск? – Шелестов замер, не донеся стакана до рта. – На Дальнем Востоке активизировалась Япония? Вы ждете войны?

– Хуже, Максим Андреевич, – спокойно ответил Платов.

– Что же может быть хуже войны?

– Ожидание войны, – неопределенно пожав плечами, ответил Платов. – Непонимание, когда она начнется. Ожидание первого удара, невозможность нанести первый удар самим, но знать, что враг его нанесет рано или поздно первым. Постоянная тревога от того, что, кажется, будто мы еще не все сделали, чтобы дать врагу отпор. Много чего хуже войны. Война – это всегда развязка событий. Но сколько всего предшествует ей, сколько сделано попыток отсрочить, избежать. Сколько нервов и жизней положено ради этого. И ты так до конца и не знаешь, начнется она или нет. Увы, слишком много факторов играют роль, слишком много игроков имеются на международной арене, которые ищут свою выгоду и готовы подставить другого вместо себя. Часто войны начинаются не так, как мы предполагаем, часто они протекают не так, как мы планируем. Но война – это всегда битва ресурсов и битва за ресурсы. Один нападает, когда уверен, что у него хватит ресурсов победить, другой тянет, опасаясь, что их не хватит.

– Чего тянет Япония? – тут же спросил Шелестов.

– Японии может не хватить ресурсов. Ее в эту авантюру втянула Германия. Но перед этим аппетиты японского императора разогрела Британия, давая понять, что заинтересована в том, чтобы Дальний Восток отошел от Советского Союза. Германии было выгодно, что мы держим огромные силы на Дальнем Востоке, опасаясь войны на два фронта. Но сейчас, когда Гитлер получил два сокрушительных удара – под Сталинградом и на Курской дуге, когда вермахт окончательно потерял стратегическую инициативу, наступательный потенциал, понеся ни с чем не соизмеримые потери в танках и самолетах, Германии нужна активность Японии. Германия хочет любой ценой заставить Японию активизироваться. Немцы хотят, чтобы мы перестали перебрасывать на запад свежие дивизии. Германия хочет, чтобы мы поверили в то, что Япония вот-вот нападет на Советский Союз.

– И что Япония должна сделать? – хмуро спросил Шелестов.

– Если и не начать войну с нами немедленно, то, по крайней мере, показать, что она ее вот-вот начнет. И доводы должны быть убедительными. Вы помните, что происходило в сорок первом в прифронтовой полосе сразу после того, как вермахт перешел нашу государственную границу? И что происходило непосредственно перед этим? Да-да, диверсии, нарушение связи, нападение на старших офицеров.

– Дальний Восток удален от центра страны, – соглашаясь, покивал Шелестов. – Быстро перебросить туда силы, необходимые ресурсы не так просто. То, что сформировано на сегодняшний день, тем и будет располагать наша армия, весь регион в случае начала войны?

– Вот именно. Диверсии должны быть направлены именно на объекты стратегического масштаба. Объекты такого масштаба, уничтожение которых подорвет обороноспособность региона, армейских частей, лишит их таких ресурсов, без которых армия на Дальнем Востоке не сможет долго воевать, а перебросить такое количество ресурсов из европейской части страны или из Сибири невозможно. Атаку на такого рода объекты в любом случае придется расценивать как начало войны.

– Или попытку показать нам, что это начало войны, – вставил Шелестов.

– Правильно, – усмехнулся Платов. – Ухватил главную мысль. И мы совершенно точно должны знать, что это! Начало или попытка испугать возможным началом.

– Не слишком ли грандиозная задача для четырех человек, Петр Анатольевич?

– Ну-ну! – рассмеялся комиссар госбезопасности. – На вас вся разведка страны не держится. Разумеется, у меня есть и другие источники информации и вам помогать будут тысячи

людей, вся дальневосточная структура НКВД будет работать и уже работает в этом направлении. Не считая разведки. Ваша задача на месте понять, на какие конкретно объекты нацеляются японские диверсанты. Не так просто развернуть масштабные действия за такой короткий промежуток времени. Поэтому удары будут сильными и точечными. Вы должны их предотвратить и получить сведения об истинных намерениях японцев. Вместе с другими источниками информации вы поможете Берии предоставить руководству страны доказательства истинных намерений врага, а товарищу Сталину и его ближайшим соратникам – принять правильное решение.

– А как вы сами считаете? Возможно начало войны с Японией именно сейчас?

– Ситуация слишком серьезная и неоднозначная, Максим Андреевич. Сейчас нельзя доверять первому впечатлению и своим личным убеждениям. Только факты, только доказательства, только трезвый анализ! А результаты такого анализа говорят: вермахт теряет инициативу, а у Красной армии появляется возможность начать масштабные наступательные действия. Это приведет к разгрому немецко-фашистских войск и разгрому нацистской Германии и всей гитлеровской коалиции. Поэтому на Дальнем Востоке стоит ожидать активных действий, призванных ослабить наши наступательные возможности и ресурсы. Что это будет: война или имитация ее начала, мы не знаем. А должны знать. Вот и вся диспозиция. Все остальное эмоции, а они вредны в нашем деле.

А через шесть часов транспортный «Ли-2» уже летел на восток, унося на борту, помимо военного груза, четырех оперативников группы Шелестова. Максим коротко рассказал товарищам о задании, сделав акцент именно на военно-политической обстановке в регионе в частности и в мире вообще. Буторин угрюмо смотрел в иллюминатор, Сосновский внимательно слушал и в знак согласия кивал. И только Коган засыпал командира вопросами.

– Хотелось бы точнее знать, где граница наших полномочий. А то ведь по тайге бегать мы умеем, выслеживать и брать живьем можем. А вот что дальше? Допросы, сведения, агентурная разработка? На это местные органы пойдут? Или поймали, и на том спасибо, а потрошить мы будем сами? А потом оповестят, что еще что-то вскрылось и вы, ребята московские, ступайте туда – не знаю куда и разузнайте то – не знаю что?

– Ну-ну, – усмехнулся Шелестов. – Такого никогда не было. Мы всегда имели полномочия координировать действия местных органов, ставить задачи и получать сведения по данной операции.

– Всегда? – осклаившись, ехидно сказал Коган, еще больше выкатывая свои круглые глаза. – А ты забыл, как тебя чуть не расстреляли, координатор?

– Перестань, Борис, – неожиданно вмешался в разговор Буторин. – Накладки были и будут всегда. Это неизбежно что в разведке, что на фронте на передовой. Сейчас главное другое. Очевидно, что противостоять нам придется не только предателям, окопавшимся за кордоном и пригретым оголтелыми японскими милитаристами. Нам придется столкнуться и с японской разведкой. Иран – это одно, Горький – другое, там вообще, почитай, тысяча километров до фронта. А там, на Дальнем Востоке, нам придется действовать в условиях, когда до границы сотня километров и не больше, почти в приграничной зоне. Ее на шпиговать и агентурой, и схронами с оружием и взрывчаткой, и готовыми базами для диверсионных групп можно очень легко. И я думаю, что в сорок первом году ее и на шпиговали. Не использовали? Понятно почему. Берегли для более сложного времени на Западном фронте. И вот оно наступило. А времени у нас на изучение обстановки и раскачку нет совсем.

– Что ты предлагаешь? – осведомился Коган. – Или просто поворачать решил?

– Нам придется сразу разделиться, – пропустив язвительное замечание товарища, заявил Виктор. – Взрывать штабы и рвать линии электропередачи, телефонные кабели они не станут. Это и младенцу понятно. А вот совершить диверсию, которая оставит регион, заводы, армию

без электроэнергии, горючего, боеприпасов, – это реально, если за спиной стоит не какая-то вшивая эмигрантская организация, а целое государство. И еще! Это, конечно, сугубо мое личное мнение, но причина никогда не бывает одна. Это закон природы. Причина активизации Японии на Дальнем Востоке может лежать не только в плоскости событий на советско-германском фронте. Японии нужны ресурсы, Японии нужны сильные союзники, Япония может любыми способами показывать нам, что вот-вот вступит в войну. А японцы понимают, что для Советского Союза это почти катастрофа. Ведь тогда они могут на политической арене диктовать нам условия, получать иные выгоды на дипломатическом поле.

– Да, это очевидно, – согласился Сосновский.

– Все правильно, – поддержал товарища Шелестов. – Собственно, Платов об этом и предупреждал. Настрой у Японии весьма серьезный, и уровень провокаций может быть тоже весьма серьезным. А причин действительно несколько, и каждая сама по себе большая угроза нашей стране, а уж о вместе взятых и говорить не приходится. Короче говоря, работа нам предстоит серьезная.

– Как обычно, – пожал плечами Коган.

Порыв ветра бросил парашют в сторону, прямо на деревья. Капитан Аленин попытался подтягивать стропы с одной стороны, чтобы чуть наклонить купол, изменить траекторию спуска, но сделать он ничего не успел. Бросив стропы, он только сумел закрыть лицо руками, чтобы не лишиться глаз. Удар был сильным. Затрещали ломающиеся ветви, что-то больно ударило в бок, по голове. А потом Аленин всем телом врезался в ствол дерева с такой силой, что на какое-то время потерял сознание.

Сознание возвращалось медленно. И первое, что он стал чувствовать, – это дрожь в застывшем теле, которое холод пробирал почти насквозь, несмотря на меховой летный комбинезон. Аленин пошевелился, с трудом сгибая окоченевшие руки. Тело трясло в мелком ознобе, ног он не чувствовал. «Сколько я так провисел? Пять минут, час, три часа? Надо спускаться, иначе мне конец», – подумал капитан. Глянув вниз, он содрогнулся, но теперь уже не от холода. Он висел на верхушке старого кедра, на высоте метров в сорок. Значит, надо как-то раскачаться и зацепиться за ствол или толстые ветки, чтобы потом отстегнуться и спуститься на землю по ветвям.

И Аленин стал раскачиваться так, как это делал еще в детстве на качелях, помогая себе ногами, делая рывками сильные махи. Тело слушалось плохо, но через несколько минут мучительных упражнений ему все же удалось ухватиться рукой за ветку. Помогая себе второй рукой, человек стал подтягиваться. Пальцы окоченели и не хотели сжиматься, ветка выскальзывала, и приходилось цепляться, отчаянно стискивая зубы. И когда Аленину все же удалось более или менее основательно зацепиться руками за ветви и даже, помогая себе одной ногой, ухватиться носком мехового сапога за нижнюю ветку, он вдруг понял, что не сможет отцепить стропы. Чтобы разъединить сцепной механизм, нужно использовать две руки. Если он отпустит ветку, то снова окажется болтающимся на высоте без опоры.

И тогда Аленин нащупал ножны на ремне. Рядом пистолет, но он не поможет. Только разрезать и при этом не выронить нож. Тогда надежды спастись не останется. Эх, никто не додумался приделать к рукояткам ножей темляки, как на казачьих шашках. «Уроню, пальцы совсем не слушаются, – думал капитан, – а мне ведь еще усилия прилагать, и я его уроню. Пока есть силы, надо использовать все что могу». Аленин снял правую меховую перчатку, подышал на пальцы, а потом вытянул из ножен нож. Направив его лезвием внутрь, он просунул нож в перчатку и стал прокалывать отверстие между большим и указательным пальцем. Острое лезвие довольно быстро проткнуло мех и кожу и вышло наружу из перчатки так, что рукоятка ножа осталась внутри. Надев перчатку, Аленин примерился, постарался почувствовать руко-

ятку ножа в ладони. Не очень удобно будет так резать, но есть гарантия, что нож не вывалится из руки и не упадет вниз.

И снова утомительная раскачка на стропах, чтобы суметь уцепиться руками или ногой за ветви дерева, чтобы хоть как-то подтянуть свое окоченевшее тело к стволу. Аленин напрасно рассчитывал, что эта работа согреет его. Он, кажется, застывал еще больше. Прошло неизвестно сколько времени. Капитан уже не чувствовал, зацепился он носком мехового сапога за ветку дерева или нет. Потом ему повезло. Задыхаясь от напряжения, он задержался сгибом локтя за ветку и стал отдыхать. Ветер обжигал горло, перехватывал дыхание. Собравшись с силами, он начал пилить лезвием ножа прочную стропу. Нож скользил в его пальцах, он перехватывал его удобнее и снова пилил, чувствуя, как трещит многослойный брезент.

И когда оставшиеся волокна лопнули под его весом, Аленин чуть не сорвался, но, удержавшись, понял, что не ошибся, начав резать левую стропу, ибо повис на левой руке, удерживаясь еще и левой ногой за ветку. Теперь перехватиться удобнее, надежнее обхватить ветки и резать правую стропу. Черт, руки уже ничего не чувствуют. И почему-то кровь на перчатке. Да это несколько раз лезвие соскальзывало внутрь перчатки и резало пальцы. А капитан и не чувствовал этого, правда, он ощущал другое – рукоятка ножа скользила в окровавленной ладони.

Еще, еще немного. Аленин чувствовал, что может не удержаться, когда стропа окажется перерезанной, где-то на грани сознания билась и трепетала мысль, что уже не важно, пусть не удержится, пусть упадет и разобьется, потому что никаких физических сил держаться уже не хватало. Это было не отчаяние, а смертельная усталость, и он смирился с неизбежным. Капитан ловил себя на мысли, что были моменты, когда он не понимал, как висит: вниз головой, вниз ногами, а может быть, боком. Он даже переставал чувствовать, что держится за ветку. Старательно выводя себя из обморочного состояния вспышками злости, он снова и снова пилил лезвием стропу. А потом он увидел за деревьями вдалеке дымок. Светлый дым, такой, каким он поднимается из трубы русской хаты во время мороза. Печка, тепло, люди. Дым, или это мираж, или плод воспаленного воображения – не важно, только пилить, только не сдаваться.

Рывок, и он повис на ветке, мерно покачиваясь... Не упал! Не упал, удержался! Аленин дышал тяжело, судорожно. Казалось, что внутри замерзло все до состояния льда. И сердце не стучит, а еле трепещет в груди, и легкие уже не могут дышать. Капитан ухватился руками за ветки. Он усталился на свою правую руку. Он не помнил, когда успел сбросить перчатку с ножом, и теперь держался за ветку обнаженной окровавленной ладонью. Надо нащупать ногой ветку и спуститься чуть ниже. Но ноги ничего не чувствуют. Вдруг колено коснулось чего-то твердого. Аленин опустил голову и посмотрел вниз. Ветка. Нужно схватиться немного ближе к стволу, потом перехватить руку и наступить на ветку, потом снова дотянуться, обхватить ствол и чуть сползти вниз до следующей ветки.

Он проговаривал в голове свое каждое движение, каждый шаг. Это помогало не терять сознания. Еще шаг, еще на метр ниже. Теперь на эту ветку. Но нога не оперлась о ветку, она провалилась в пустоту, руки соскользнули, и Аленин с хриплым криком полетел вниз. Удар, снова удар боком, и из глаз полетели искры. Когда он открыл глаза, то увидел над головой небо и ненавистный купол парашюта, трепавшийся на ветру на верхушке дерева. Он выжил. И это значит – нужно продолжать бороться, выживать, еще что-то делать.

И капитан попытался перевернуться на бок. Острая боль пронзила бок, да так, что Аленин едва не задохнулся от боли. Сломано ребро или несколько ребер. Со стоном он все же сумел перевернуться, уткнувшись лицом в снег. Теперь встать и идти в ту сторону, где недавно, висая на стропах, видел дым. Лицо стало ломить от ледяного холода. Встать, нужно встать. Аленин подтянул руки под грудь, потом непослушную правую ногу под живот и начал вставать. И снова дикая огненная боль, но теперь уже пронзившая ногу от голени и вверх, до самого сердца.

А-а-а! Крик пронесся по тайге и затих среди огромных лап елей. Человек лежал, стискивая зубы. Нельзя, нельзя лежать. Не могу идти, значит, надо ползти, ползти... ползти. И он

пополз, толкаясь только руками, стискивая зубы, в кровь кусая губы. Слезы от боли и отчаяния текли по щекам и замерзали на лице...

Полковник Крапивин в обычном гражданском пальто и шапке-ушанке с кожаным верхом встретил группу на аэродроме. Шелестову понравился волевой сильный взгляд заместителя начальника управления НКВД. Здороваясь, пожимая руку каждому члену группы, Крапивин, казалось, успевал взглядом окинуть, оценить человека, его способности, опыт. Чуть прищуренные глаза, плотно сжатые тонкие губы и удивительно сильные руки с широкими ладонями. «Руки лесоруба», – почему-то подумалось Шелестову.

Автобус «Газ-03-30» ждал на взлетной полосе. И как только группа вошла в салон и расселась на сиденьях, машина сразу тронулась. Крапивин подсел поближе к москвичам и заговорил:

– Мне звонил комиссар госбезопасности Платов и сообщил, что вы в курсе общей стратегической позиции здесь, на границе с Маньчжурией. Не буду повторяться о сложившейся обстановке на потенциальном советско-японском фронте. Перейду сразу к последним событиям, по факту которых вам и придется начинать работу с нами. Если коротко, то сейчас весь оперативный состав Дальневосточного управления НКВД задействован на противодиверсионных мероприятиях. Ведомственные части охраны Наркомата путей сообщения и военных заводов усилены подразделениями бойцов из войск НКВД. Активно привлекаем милицию. Руководителям территориальных отделов разосланы циркуляры и ориентировки. Это, так сказать, общее направление работы на опережение. Мы пока не знаем, как будет действовать враг и будет ли он действовать в ближайшее время. Мы здесь считаем, что будет. Японцы активизировались, есть сведения, что руководство Квантунской группировки считает необходимым расширить и активизировать в наших тылах разведывательно-диверсионную работу.

– Но пока тишина? – спросил Шелестов.

– Не совсем, Максим Андреевич, – полковник качнул головой. – Но вы успели как раз к началу развития событий. Удивляюсь я комиссару Платову. Как он в Москве видит и чувствует ситуацию. Как будто сам у нас здесь годами работал, держал руку на пульсе. Так вот, охотники в тайге в предгорьях Сихотэ-Алиня нашли тело человека. Одет в летный меховой комбинезон и летный шлем. Он приполз из тайги и умер буквально на пороге охотничьей хижины в лесу. Умер, как нам предварительно сказали медики, от переохлаждения и большой потери крови. У него открытые переломы обеих ног и, видимо, обморожения. Охотники сообщили в милицию. Участковый собрал местных охотников и организовал прочесывание местности для поиска, возможно, других людей, товарищей этого погибшего. Но они нашли в нескольких километрах от зимовья лишь повисший на дереве парашют.

Тело лежало в холодном гараже управления НКВД. Зрелище было, конечно, не для слабонервных. Мертвец лежал на спине, руки его были приподняты перед грудью, штанов не было, голени окровавлены, в двух местах белели кости, пробившие кожу. Одежда лежала здесь же на столе.

– Силен, – покачал Коган головой, глядя на труп. – Несколько километров проползти зимой с переломанными ногами. Только наши так могут. Ясно, что это не японец.

– Глубокая мысль, – усмехнулся Крапивин. – Однако без японцев тут не обошлось. Это не наш летчик. Очевидным все стало, когда стали осматривать одежду. И комбинезон японский, и меховые сапоги, и шлем. Больше вам скажу, товарищи, у него даже нижнее белье японское.

– Значит, не случайный человек, – кивнул Шелестов. – Не просто так приехал к ним на аэродром, не просто так посадили его в самолет и сбросили на нашей территории. Значит, жил на какой-то японской базе, готовился к переброске. И готовился основательно. Был на полном обеспечении. Парашют, видимо, тоже японский?

– Разумеется, – ответил Крапивин, подходя к брошенному у стены парашюту. – Вот это и примечательно, что готовившие этого человека для заброски на нашу территорию не стеснялись подтвердить, что это происходило в Японии. Не скрывали его принадлежности. Я бы даже предположил, что сделано это было умышленно. Ведь гитлеровцы, когда забрасывают диверсантов в тыл Красной армии, пытаются максимально обеспечить его всем советским, настоящим, вплоть до сигарет, спичек, бритвенных принадлежностей. Их перед заброской в разведшколах стригут и то русские парикмахеры. А тут такая демонстрация всего японского.

– Покажите на карте, где найден человек и где находится место приземления, – попросил Буторин.

Вернувшись в кабинет Крапивина, оперативники собрались возле стола полковника. Тот, порывшись в сейфе, достал крупномасштабную карту и расстелил ее. Взяв карандаш, он стал водить им по карте.

– Вот Хабаровск. Это железная дорога на Иркутск. Вот здесь его нашли охотники. Тут их старое, еще довоенное зимовье. Парашют на дереве милиция нашла вот тут. Как видите, расстояние немаленькое, но раненый сумел проползти его. Предполагая, что зимовье может быть указано на японских картах и может оказаться местом сбора группы диверсантов после их приземления, я распорядился устроить там засаду. Командир подразделения НКВД регулярно выходит на связь по рации, но пока тишина. Незваных гостей не было.

– Они осторожны, – сказал Сосновский. – Вероятно, они поняли, что их товарища отнесло ветром далеко от места предполагаемого приземления. Может, даже предприняли попытки его розыска. Не исключено, что они уже знают о его гибели и о том, что его нашли местные. Они не придут, они постараются поскорее покинуть этот район. Если они вообще существуют.

– Вы полагаете, что этого человека сбросили одного? – Крапивин уставился на Сосновского.

– Почему бы и нет? В большой группе не было необходимости, если он всего лишь «курьер», который вез новые инструкции для резидентуры, может быть, деньги, документы, запасные батареи для рации. Мало ли...

– Но при нем ничего не нашли.

– Возможно, есть и второй парашют, и десантный контейнер, – пожал плечами Сосновский. А может быть, и нет. А этот человек – хорошо подготовленный агент, который шел к месту встречи. Бывает, что летчики ошибаются, погода подводит. Вот и приземлился далеко от места, где его ждали сообщники. А тут еще несчастье с ногами. Думаю, что вам просто повезло.

– Повезло. Несомненно. Мы могли вообще о нем не узнать, – согласился полковник. – Но я все равно распорядился отправить поисковые группы с местными проводниками на розыск возможных диверсантов. Если это все же была группа.

– Давайте поступим с вами следующим образом, – сказал Шелестов. – Мы с Борисом Михайловичем останемся в управлении и подумаем с вашими специалистами, какие наши действия сейчас важнее всего, оценим ситуацию. А Виктор с Михаилом вместе с вашими бойцами прочешут тайгу в местах вероятного приземления парашютистов. Мы можем запросить у метеорологов сводку о направлении и силе ветра в тот день?

...Буторин и Сосновский выехали на разных машинах в сопровождении автоматчиков из полка НКВД. Каждой группе прикрепили местного опытного охотника-промысловика. Снега в январе в Забайкалье выпадает очень мало, поэтому обе группы пошли без лыж. У дальнего распада машины остановились. Буторин высунулся из кабины и помахал Сосновскому рукой.

– Миша, не лезь на рожон!

Сосновский махнул рукой и что-то крикнул, но Виктор его не расслышал. Приказав водителю двигаться, он попросил невысокого щуплого охотника, втиснувшегося в тесную кабину вместе с ним:

– Давайте слишком близко не будем подъезжать к тому району, где могли высадиться диверсанты.

– Думаешь, что они еще там, начальник? – усмехнулся охотник. – Нету их там. В тайге в такое время человеку не выжить без крыши над головой, без печки. В тайге зимой чуть ноги промочишь, и все: от внутреннего озноба не спасишься, скрутит он тебя так, что зуб на зуб попадать не будет, и насмерть замерзнешь.

– Знаю, что они не будут сидеть там, где приземлились, – проворчал Буторин. – Да только они могли не все с собой забрать, когда приземлились. Могли что-то оставить в тайге, а потом вернуться за вещами. Я бы на их месте, если они спускались с грузом, так и сделал. Места дикие, людей поблизости нет, никто не увидит. То, что мы одного нашли, – чудо и удача. Но они этого могут пока не знать.

– Ну, так-то оно может быть, – согласился охотник и повернулся к шоферу. – Ты, парень, держи сейчас вдоль опушки этого леса. Ближе к деревьям держись. Там и кустарник не такой мощный, и камней поменьше. А потом, как балка покажется, ты ее слева объезжай. Да не газуй, не спеши. Наперед себя все одно не приедем.

Машина ползла по заснеженной равнине, объезжая занесенные снегом низинки, большие камни, участки, буйно поросшие кустарником. Буторин развернул на коленях карту, сверяясь с ориентирами на местности, попытался определить положение машины и расстояние, которое им предстояло проехать. Судя по направлению ветра в день, когда были выброшены парашютисты, если только погибший был не один, диверсанты опускались северо-западнее Лосиной балки. Одного отнесло на юго-восток. Остальных тоже несло в этом направлении, но если они более опытные парашютисты, то могли справиться с ветром и приземлиться на несколько сотен метров ближе к точке выброски. Охотник, когда Буторин показал ему положение возможных диверсантов на карте, согласился.

– Тадысь нам перед балкой и надо встать, – ткнул он заскорузлым пальцем в карту. – Если ты говоришь, их ветром по небу сюда несло, а энтого аж в кедровник забросило, то до Лосиной балки им и не долететь. Значит, мы ее южнее обойдем, а потом разделимся и как расческой пройдемся километра два вот в направлении этой сопки. Ежели там следов не найдется, значит, их и нет вовсе.

Наконец машина остановилась. Спрыгнув на снег с подножки, Буторин убрал карту в планшет и приказал своим бойцам построиться у машины. И когда десять автоматчиков во главе с рыжеусым сержантом выстроились в две шеренги, Виктор заговорил, строго вглядываясь в глаза солдат:

– Сейчас мы с вами начнем прочесывание местности. Участок небольшой, и мы редкой цепью быстро пройдем его. Что искать! Следы приземления парашютистов. А это значит – многочисленные следы ног, следы волочения парашюта, обломанные ветки, следы от стаскивания за стропы парашютов с деревьев. Особо искать тайники, устроенные в сугробах или под ветвями елей. Предупреждаю всех, что в лесу могут оказаться и сами диверсанты, вернувшись за своим грузом. Предельная осторожность и внимательность. Огонь без толку не открывать, иначе вы можете подстрелить местного охотника, приняв его за диверсанта. И помните, диверсантов брать только живыми. Только живыми!

Цепь развернулась, выдерживая обозначенное расстояние в двадцать метров между бойцами, и двинулась, пересекая открытый участок местности к редколесью. Буторин шел вместе с охотником позади цепи. Они осматривали самые подозрительные места, которые бойцы пропускали по неопытности и невнимательности: присыпанную снегом ямку с подозрительно торчавшей из снега еловой лапой, сугроб под деревом, то ли наметенный ветром, то ли специально насыпанный человеком. Цепь шла около часа, осмотрев довольно большую территорию, когда сержант вдруг поднял руки, приказывая всем остановиться. Буторин с тревогой посмотрел на солдат и побежал вперед.

– Что здесь? Не трогать! – выпалил Виктор, видя, как сержант и двое автоматчиков подходят к большой ели с раскидистыми пышными лапами.

Он подбежал к дереву первым и отстранил бойцов. Так и есть, под тяжелыми мощными лапами старой ели было что-то спрятано, и вблизи была хорошо видна белая парашютная ткань. Странно, что бойцы смогли разглядеть ее с расстояния почти в десять метров. Но подошедший к Буторину сержант пояснил:

– Снег сбит с нижних ветвей. Ладно, думаю, зверь мог сбить, лоси, олени. А тут следы увидел. И следы-то человеческие. И не от валенок охотников, а от обуви с каблуками. Значит, сапоги, утепленные, но все же сапоги. Ну а потом уж и парашюты увидел.

– Молодец, – похвалил оперативник. – Глазастый, соображаешь хорошо. Но осторожно-сти в тебе маловато, сержант. Ты же чуть не подорвался! Смотри, под лапу ели проволочка заведена. Отвел бы ты ее в сторону или приподнял бы – и каюк тебе. Наверняка тут граната или мина. Отведи всех на расстояние пятидесяти метров.

– Может не стоит, товарищ майор, – предложил сержант. – Зачем рисковать? Давайте привяжем бечевку и рванем все это хозяйство.

– Эх ты, а еще чекист, боец НКВД, – усмехнулся Буторин. – Это же имущество диверсионной группы. Там могут быть документы, которые группа привезла иностранным агентам. Документы могут быть с фотографиями, личными данными, а не просто чистые бланки. Там могут оказаться какие-то вещи, которые могут помочь изобличить предателей, которые этой группе содействуют. Все это необходимо осмотреть, изучить и использовать, если будет хоть малейшая возможность. А ты «рвануть»! Нельзя ни рвать, ни убивать диверсантов. Такая наша работа – собой рисковать, но брать живьем и со всем имуществом! Понял меня, сержант?

– Так точно, – кивнул рыжеусый боец и, повернувшись к своим бойцам, стал командовать: – Кругом! На сто шагов бегом марш! Быстро, быстро! Ложись!

Убедившись, что все отошли на безопасное расстояние, Буторин принялся осматривать «подарок», оставленный диверсантами. В том, что это были они, он не сомневался. Ясно, что парашют тут не один. Несколько куполов свернуты небрежно, опутаны стропами. Место для того, чтобы спрятать тут имущество, выбрано хорошо. Огромное дерево, широченные лапы нижних ветвей лежат почти на земле. Под этими лапами старой ели могут запросто спрятаться человек шесть. Буторин осмотрелся по сторонам, поднял голову, глядя на деревья. Да, приземлялись они вон на том открытом безлесном участке. Ребята действительно опытные, управлять парашютами умеют. Странно, что одного из них унесло так далеко. Да и здесь не обошлось без неприятностей. Вон на том дереве повис парашютист. Стягивали парашют и сломали три больших ветки.

Буторин внимательно осмотрел снег, еловые ветки в нижней части дерева и снег на парашюте. Снег был не везде, и возникало ощущение, что его умышленно набросали в двух местах, как раз там, где виднелась тонкая стальная проволока. Вытащив из ножен финку, оперативник начал очень осторожно, миллиметр за миллиметром отгребать снег в том месте, где в нем утопала проволока. Через минуту кончик ножа коснулся металла. Положив нож, Буторин стал дышать на руки, пытаясь хоть немного согреть их, чтобы пальцы не теряли чувствительности. Нельзя напортачить, когда такая удача, когда нашелся схрон диверсантов на месте приземления.

Отогрев руки, Буторин снова стал разгребать снег, обнажая корпус гранаты. Это оказалась обычная советская ручная граната Ф-1 еще со старым довоенным запалом системы Ковешникова. Что, у японцев не нашлось современных гранат Красной армии? Кажется, с 42-го или 43-го года гранаты выпускались с унифицированным запалом УЗРГ. Значит, можно предположить, что диверсанты вооружены советским оружием. Резонно. И патроны к советскому оружию найти на советской территории легче.

Снег был рыхлый, морозный, и счищать его было легко. Хорошо, что не было в последнее время оттепелей, а то бы проволока и граната вмерзли бы в снег и тогда с ними ничего нельзя было сделать. Когда корпус гранаты полностью освободился от снега, внутри у Буторина все похолодело: усики чеки, удерживающей предохранительную скобу, были разогнуты полностью и наполовину выдвинуты. Малейшее движение проволоки, самое слабое натяжение, и чека выскочила бы. Схватить и отбросить гранату не получится, она примотана бечевкой к стропе парашюта. Отбежать за 3–4 секунды в сторону от гранаты на расстояние больше радиуса поражения удастся, но не факт.

Стараясь не шевелиться, Буторин снова стал дышать на руки, согревая их. Затем он осторожно протянул руки и одной рукой взялся за корпус гранаты, второй прижал чеку пальцами в том месте, где находилось кольцо запала. Медленно он вдавил усики назад в отверстие. Теперь он держал гранату правой рукой, удерживая чеку в отверстии запала. Взяв левой рукой нож, он просунул лезвие между усиками и отвел один из них в одну сторону, второй в другую. Все, граната обезврежена.

Других проволочек, кажется, нет. Если еще какой-то сюрприз есть под парашютами, то его не найти, как ни старайся. Вряд ли там есть еще граната или мина, но рисковать без всякого смысла не хотелось. Отрезав приличный кусок стропы, Буторин стал отходить назад, отпуская стропу. Длины хватило почти на десять метров. Бойцы напряженно смотрели на его действия и не поднимались. На всякий случай подав команду всем лежать, Буторин лег сам и стал тянуть стропу на себя. Из-под дерева пополз один парашют, он зацепился за что-то, вся белая гора имущества диверсантов колыхнулась, потом парашют пополз легче. Ну, кажется, сюрпризов нет!

Через несколько минут он вместе с бойцами вытащил из-под дерева пять парашютов. При ближайшем рассмотрении у одного из них было крепление для груза. Значит, был еще и мягкий десантный контейнер. Четверо диверсантов ушли в неизвестном направлении. За сутки они могли уйти очень далеко, а при определенной сноровке заскочить на товарный состав и уехать на несколько десятков или сотен километров от этого места.

Глава 2

Сняв полушубок, полковник Крапивин расправил гимнастерку под ремнями и решительным шагом подошел к своему столу. Вся группа Шелестова была в сборе. Буторин приехал вместе с полковником последним и теперь с готовностью помогал секретарю разливать горячий свежесваренный чай по большим бокалам.

– Вот, спасибо, Зинаида, – похвалил Крапивин девушку. – Ты молодец. И о чашках побеспокоилась.

– Сейчас Леша бутербродов принесет, Илья Валерьевич, – улыбнулась секретарь. – Вы ж и не пообедали!

Оперативники взялись за бокалы и стали с наслаждением пить горячий чай. Крапивин отодвинул свою чашку в сторону и расстелил на столе карту района приземления диверсантов. Шелестов, держа в руке бокал, подошел к полковнику и посмотрел на карту.

– Место приземления погибшего диверсанта мы осмотрели, – сказал он, постучав пальцем по соответствующему участку карты. – Там действительно нет больше никаких следов. Бедолага сам выпутывался из создавшейся ситуации, но увы. Он умудрился зацепиться куполом парашюта чуть ли не за самое высокое дерево в округе. И когда сорвался вниз, переломал себе ноги. Тут все понятно. А вот с остальной частью группы у нас проблема, товарищи.

– Да, судя по парашютам, они тоже забрасывались японцами, – согласился Крапивин. – Есть основания полагать, что эти четверо и погибший пятый – были членами одной группы. И по направлению ветра в тот день он вполне мог быть отнесен туда, где мы нашли парашют. Наличие грузового парашюта говорит нам о том, что у группы были серьезные намерения. Придется крепко подумать, где и как их искать. Ориентировки мы разослали, оповестили всех, кого могли, в том числе и штаб Дальневосточного фронта.

– За сутки они могли уйти далеко, – вставил Буторин. – Но я думаю, что они, отойдя от места высадки, уехали. Блокировать район мы можем за несколько часов силами местной милиции, охотников, подвижными группами бойцов войсковых частей. Полагаю, что диверсанты это понимают и сразу имели планы, как и в каком направлении уехать.

– За несколько часов диверсанты могли дойти до железной дороги, – согласился Крапивин. – А это значит, что теоретически у них была возможность на тех участках, где составы снижают скорость, сесть на любой товарняк и уехать на север в сторону Комсомольска-на-Амуре или в сторону Владивостока в южном направлении.

– Увы, да, – сказал Шелестов. – В данной ситуации, когда группа ушла у нас из-под самого носа, в ситуации, когда мы понимаем, что это могла быть не единственная диверсионная группа, заброшенная милитаристами на нашу территорию на Дальнем Востоке, выход у нас один – действовать на опережение, а не ждать, когда какая-то вражеская разведывательно-диверсионная группа проявит себя. Мы должны их ждать в тех местах, где они могут появиться. С магистралями мы решили? Так, Илья Валерьевич?

– Совершенно верно, – ответил Крапивин. – Имеющимися у нас в регионе силами мы усилили охрану мостов, тоннелей, усиленно патрулируются шоссейные дороги и железнодорожные магистрали. Так же патрулируются линии электропередачи и телефонно-телеграфной связи. Но мы с вами должны исходить из того, что немцы знают, что советская разведка располагает сведениями о том, что Япония не готова к нападению на СССР. И поэтому часть боеспособных, полностью укомплектованных дивизий советское командование перебрасывает с Дальнего Востока на фронт. Немецкая армия потеряла наступательную инициативу после Сталинграда и Курской дуги. Под Курском вермахт понес невосполнимые потери в танках и самолетах. Берлин всеми силами пытается остановить отправку советских боеспособных войск с Дальнего Востока на советско-германский фронт, не желая, чтобы мы увеличили наши

силы. Комиссар Платов предполагает, что, возможно, немецкая разведка решила совершить ряд диверсий, которые заставят советское командование остановить переброску, заставят поверить, что нападение Японии на СССР вот-вот произойдет.

– Вот именно, – согласился Шелестов. – Перед отправкой сюда мы получили от Петра Анатольевича такие же инструкции. Целями диверсионных групп могут быть только очень серьезные объекты, повреждение или уничтожение которых может иметь стратегически важные последствия. Устраивать диверсии на железной дороге, на нефтепроводах или линиях электропередачи враг не будет. После каждой такой диверсии органы НКВД и милиции, как правило, находят диверсантов. А повреждения ликвидируются в течение суток, максимум трех. Враг будет стараться нанести такой урон советским стратегическим объектам на Дальнем Востоке, который реально будет граничить с катастрофой, тем более при угрозе начала войны с Японией и нападения Квантунской армии. Без дизельного топлива и бензина, без патронов, без обеспеченного электроэнергией производства оборона долго не выдержит.

– Они будут бить по тем объектам, угроза уничтожения или сильного повреждения которых реально должна нас испугать, – согласился Буторин. – Именно при угрозе одновременного нападения японцев на Советский Союз.

– Вот наш список, – Коган протянул лист бумаги.

– Да, мы составили список на основе анализа промышленности и инфраструктуры региона, – добавил Шелестов, беря лист бумаги. – И вот что у нас получилось: один тоннель и три железнодорожных моста (они отмечены на карте). Если их уничтожить или вывести из строя сроком хотя бы на пару недель, то это лишит нас в случае начала войны возможности маневрировать частями и соединениями, доставлять боеприпасы, подкрепления, топливо и другие военные грузы. Есть еще несколько важных объектов, интересных для диверсантов. Например, взрыв Артемовской ГРЭС оставит без электричества Владивосток, базы и Артемовское месторождение по добыче угля. Следующий объект: хабаровский завод № 83 имени Горького, выпускающий бомбардировщики и транспортные самолеты. Оружейный завод в поселке Тетюши, выпускающий, как нам сказали ваши товарищи, в огромных количествах боеприпасы. А еще в регионе есть Хабаровский нефтеперерабатывающий завод и нефтеперерабатывающий завод в Комсомольске-на-Амуре. Диверсия на каждом из этих предприятий и объектов нанесет огромный урон вновь созданному Дальневосточному фронту, противостоящему 700-тысячной Квантунской группировке японцев.

– Все это, конечно, правильно, – заговорил Сосновский, крутивший в руках карандаш. – Но нам нужно подумать и о другом. Подойти к ситуации с другого бока. Группы есть, одну мы засекли, но где она, пока неизвестно. Наверняка есть и другие или будут. Можно их ждать в тех местах, где они будут совершать диверсии, и взять, так сказать, с поличным. Безусловно, согласен. Но ни одна группа, учитывая масштабность и серьезность задачи, не пойдет через границу, не будет сброшена с самолета с необходимым количеством взрывчатки. Чтобы взорвать машинный зал или существенно повредить плотину, нужны не килограммы и не десятки килограммов взрывчатки. Речь идет о тоннах. Тем более если взрывы планируются на разных объектах. И они ее где-то должны взять. Это первое. Второе, товарищи! Чтобы взорвать современное предприятие, сложное в инженерном отношении сооружение, нужны знания. Я не думаю, что к нам в Советский Союз будут забрасывать группы инженеров и технарей разного рода. Нет, диверсанты будут искать и вербовать сообщников на конкретных предприятиях и объектах. Искать тех, кто подскажет, где лучше всего и сколько подложить взрывчатки, чтобы нанести максимальный урон технике, оборудованию. Там нужны будут инженерные решения.

– Совершенно верно, Михаил, – соглашаясь, кивнул Шелестов. – Во-первых, полная секретность. Подобные угрозы обычно приводят к панике и даже трагедиям, когда стрелять начинают во всех, даже своих. Во-вторых, паника на руку диверсантам. Ответственные за безопасность сотрудники станут хвататься сразу за все и реагировать на каждый чих. И в таких

условиях легче совершить задуманное. Так что нам предстоит успевать сразу и везде. А для этого придется разделить. Значит, мы с вами поступим следующим образом...

В небо поднимался столб пара. Там, за стеной станции, в машинном зале гудели и бились турбины, вырабатывая электроэнергию. Лидия Храмова шла по нижнему ярусу наружной технической галереи. Даже сквозь толщу бетона ощущался рокот мощных турбин. Девушка шла, придерживаясь рукой в толстой рукавице за ограждение и прикрывая лицо краем платка. Густой туман, поднимавшийся над водой, колол лицо ледяными иголками.

Дойдя до середины галереи, девушка оглянулась. Что за чудеса? Где же Федор Арсеньевич? Там его из главка к телефону требуют, а тут не дозваться. Неужели прошел всю галерею и ушел в машинный зал через другую дверь там, в конце? Храмова кинулась вперед, оскальзываясь на мокром обледеневшем бетоне. Дело-то важное. Главный инженер в отъезде, а Филиппов за него остался. Почему она вдруг бросила взгляд вниз, Лидия потом не смогла объяснить. То ли померещилось что-то, то ли сердце подсказало. А ведь она равнодушна была к заместителю главного инженера. Федор Арсеньевич слыл красавцем у них на ГРЭС, многие женщины и девушки засматривались на него и тайком вздыхали. Высокий, стройный, с кудрявым чубом, почти как у казаков, строгие красивые усы и темные выразительные глаза, которые могли смотреть то насмешливо, то строго и гневно, а то и удивительно ласково. И таяли женские сердца от таких взглядов. Может быть, и сердце подсказало ей в тот момент бросить взгляд на нижний ярус.

Филиппов лежал на боку, неестественно разбросав руки. Под головой расплывалось пятно крови. Лидия задыхнулась от испуга и не могла вымолвить ни слова, только жарко дышала, прикрывая рот рукавицей. И только когда до нее стала доходить реальность происходящего, весь ужас, она закричала и бросилась назад в машинный зал, где была дежурная смена, где были люди. И, даже забежав в помещение, Храмова не сразу смогла выдать из себя слова. Но по лицу девушки было понятно, что случилась беда, что произошло что-то страшное.

Сосновский на легкомоторном «У-2» прибыл на военный аэродром «Вторая речка» Владивостока, где его уже ждала машина. Меньше чем за час машина доставила оперативника на Артемовскую ГРЭС. Следователь и судмедэксперт были еще на месте, они заканчивали писать протоколы. Тело, накрытое простыней, лежало здесь же, у двери машинного зала. Предъявив удостоверение так, чтобы этого не видели сотрудники ГРЭС, Михаил негромко сказал:

– Предупреждаю, о том, что к этому делу имеется интерес НКВД, потому никому ни слова. Ваше начальство в районном отделе милиции об этом уже предупреждено. И от него вы получите соответствующий инструктаж. А сейчас давайте коротко и самое главное. Что и как случилось.

Следователь – немолодой лысеющий мужчина в очках с толстыми стеклами, откашлялся и стал говорить, тоже не повышая голоса.

– Тело обнаружила технолог Храмова, когда пошла звать погибшего к телефону. Она увидела, что он лежит на нижней наружной технической галерее и под его телом кровь. Сообщила начальнику дежурной смены. Тот с двумя рабочими спустился и не обнаружил признаков жизни у Филиппова. Вызвали милицию. А дальше слово вон медицине, – кивнул следователь на молодую румяную круглолицую женщину.

– По результатам предварительного осмотра могу предположить, – продолжила судмедэксперт, – что смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы. Повреждение кожных покровов и черепа предварительно соответствуют поверхности, на которую упал человек. Очевидно, что он упал с верхней галереи на нижнюю. Могу еще предположить, что у него с правой стороны сломаны два или три ребра, ключица, а также имеется открытый перелом правой лучевой кости. Такие повреждения являются результатами возможного падения с высоты и ударов об ограждение галереи.

– Сомнения есть? – спросил Сосновский, переводя взгляд с лица медика на лицо следователя и назад.

– Подробнее покажет вскрытие, – пожала плечами женщина. – Повреждений много, какие из них могли быть нанесены другим человеком, пока сказать сложно. Это я к тому, если вы предположите убийство.

– У меня пока тоже маловато фактов, чтобы делать выводы, – согласился следователь. – Но если говорить чисто теоретически и исходить из моего многолетнего опыта, то инсценировка несчастного случая – самое удобное и часто применяемое злоумышленниками действие. Если кто-то хотел убить Филиппова, то мог бы найти и более простой способ, не такой, чтобы у всех на глазах. Ведь кто-то мог увидеть его на галерее вместе с заместителем главного инженера. Но и с другой стороны, какого черта Филиппов стал бы падать вниз, зачем ему перелезть за ограждение, рисковать жизнью. Но он упал. И с точки зрения убийцы, если таковой имел место быть, гарантия стопроцентная, что жертва погибнет и не надо самому наносить смертельное ранение.

– Ну, ясно, – проворчал Сосновский. – Могли убить, а могли и не убить. Мог и сам, а могли помочь. Значит, будем искать тех, у кого есть мотивы для убийства.

Побеседовать с Храмовой, которая первой обнаружила тело, не представлялось возможным. Сосновский в момент своего приезда на ГРЭС видел ее один раз, но потом девушку с нервным срывом увезла «Скорая помощь». Дальше все шло, как говорится, «по накатанной». Кто последним видел, о чем говорили, в каком настроении расстались, с кем ссорился, с кем дружил, кого любил. Постепенно вырисовывался образ погибшего человека. Хороший инженер, хороший исполнитель, но слишком мягкий для руководителя. Самое место в заместителях. С людьми ровен в отношениях, помогает молодым специалистам. А в трудное военное время, когда мужчин на ГРЭС поубавилось, а их места заняли простые женщины, порой без специальности, тратил уйму своего личного времени на обучение персонала ГРЭС. Хотя этим никого во время войны не удивишь. Почти все отдавали Родине что могли, включая и опыт, и знания, и личное время. Да, отдавали всего себя без остатка.

Но вот один нюанс не давал Сосновскому покоя. Одна женщина-инженер, рассказывая о личности Филиппова, в порыве эмоций проболталась, что он за ней ухаживал. Сосновский не стал заострять внимание собеседницы на том, что она замужняя женщина. Но мысль об этом засела у него в голове. Холостяк, красавчик, толковый специалист подбивал клинья к симпатичной замужней женщине. Бабник, еще тот ловелас. Или это фантазии женщины? И Михаил стал методично искать других свидетелей подобного поведения погибшего мужчины. Как говорится: один случай – это случай, а три – уже закономерность.

Вторую женщину, которая украдкой вытирала глаза и хлюпала носом, он заметил в бухгалтерии. Разговорить несчастную было просто, учитывая опыт работы Сосновского в разведке. Через полчаса она призналась, что любила Филиппова, что у них были отношения, но потом прекратились. О причинах она не стала распространяться, только мотала головой. И было это уже в текущем году. Получалось, что Филиппов любил женщин, но нельзя сказать, что он не пропускал ни одной юбки. Бабником он не был, он был всего лишь холостяком, а вот иметь в качестве врага мужа своей любовницы вполне мог. Он осторожно прощупывал других женщин, которые могли бы отвечать вкусу Филиппова, но тут позвонил врач из больницы и сказал, что в принципе с Храмовой можно поговорить, но только недолго и не расстраивая ее нервную систему. Пришлось Сосновскому сразу бросать все свои дела и бежать в больницу.

Девушка сидела на кровати, опустив ноги в домашних шерстяных носочках на пол и накинув на плечи пуховый платок. Врач, пожилая женщина со строгим лицом, вошла следом и, подойдя к Храмовой, обняла ее за плечи.

– Лида, с вами хотят поговорить, – заговорила она мягким голосом. – Это следователь. Вы же понимаете, как важны ваши показания?

– Да, конечно, – кивнула Храмова. – Я постараюсь, я все понимаю и уже спокойна.

Сосновский подвинул стул ближе к кровати и уселся на него, сложив руки на коленях.

– Вы можете нам помочь, – заговорил Сосновский. – Вы ведь были там, вы могли заметить что-то такое, чего не заметил никто. Мы очень на вас надеемся, Лида.

– Но я ничего не видела, – грустно сказала Храмова. – Я вышла слишком поздно, когда Федор Арсеньевич уже лежал внизу. Скользко было, снег, лед.

– Он решил посмотреть, что-то его заинтересовало внизу? – понимающе кивнул Сосновский.

– Не знаю, может быть, – пожала худенькими плечами девушка. – У нас с фасадом проблемы были, потом еще утеплитель ветром порвало на вводе воды.

Сосновский чисто физически почувствовал, что контакт налаживается, что ему как-то удалось найти точки соприкосновения с этой женщиной, заговорить на темы, которые ей хорошо понятны и привычны. Расспрашивал он о причинах, которые могли заставить Филиппова перегнуться через парапет или пролезть за него, лишь для того, чтобы разговор завязался на профессиональную тему, чтобы девушка втянулась в разговор. Сосновский уже составил свое мнение о причинах, которые могли привести к трагической гибели. Другие специалисты рассказали, что и как могло заинтересовать Филиппова. Так что версия, что мужчина погиб из-за неосторожности, вполне была реальная и рабочая. Но все же... Это «все же» очень беспокоило Михаила, он чувствовал, что есть еще одна тайна. И до этой тайны он никак не доберется. То ли люди молчат, то ли не все знают.

И вдруг Сосновский понял. По глазам, по интонации, по вздохам, по мимике он понял, что Храмова была влюблена в Филиппова. И теперь надо убедиться в этом окончательно, не провоцируя нервную систему девушки на новый срыв. И как же это сделать, ведь любовь для многих очень сильное чувство. Женщины не умеют думать о любимом человек плохо. Если кто-то так думает и говорит, то он просто не заметил, что любовь ушла, что ее уже нет. А в Храмовой она жила до сих пор, скорбела и печалилась.

– Скажите, Лида, а каким был Федор? – спросил Сосновский, умышленно назвав Филиппова просто по имени.

– Добрым и очень хорошим, – мгновенно ответила Храмова. – Самым лучшим. Он был бы замечательным мужем и отцом, замечательным руководителем, только многие говорят, что он был слишком мягок для начальника. Но ведь начальник – это не зверь, ему незачем быть свирепым, злым и грубым, правда же?

– Конечно, – улыбнулся Сосновский и заметил, что губы девушки дрогнули в слабой улыбке ему в ответ. – А почему Федор был не женат? Ведь в него, наверное, была влюблена половина женщин вашего предприятия.

– У мужчин это бывает, – грустно ответила Храмова. – Выбирают долго, не могут решиться, не нашли еще ту, чтобы сразу в сердце загорелся огонь. Вы не думайте, не верьте, если вам кто-то скажет, что Федор был бабником. Увлекающимся он был, это правда, но просто потому, что настоящая любовь к нему не пришла.

– У него была женщина? – решил спросить Михаил, повинуясь интуиции.

– «Женщина», – горько повторила Храмова. – Не женщина, а несчастье это его. Тоже думал, что любовь, а какая она любовь, если женщина замужем.

– Тише, тише, – остановил девушку Сосновский, хотя она и так говорила тихо. Ему нужно было создать обстановку, ощущение, что у них теперь есть общая ото всех тайна. – Не дай бог кто узнает. Вот ведь позора не оберется эта женщина. Опомнится, а семья уже развалилась. У нее, наверное, хорошая семья, да?

– Хорошая, – кивнула Лида. – Уж ей-то совсем нельзя такими вещами заниматься. У нее муж ответственный работник, глава райисполкома.

– И район у него сложный, – предположил Сосновский. – Сутками на работе да по району мотается.

– Междуреченский-то? – вздохнула Храмова. – Да уж. Сел там много, далеко от города. И с врачами плохо, и школы разваливаются. Хоть и война, а детишек учить надо. И стариков лечить.

Михаил сразу перевел разговор на другую тему. А в голове билась мысль: «Междуреченский район, райисполком Междуреченского района». Вскоре поблагодарив Храмову за помощь и пожелав ей скорейшего выздоровления, Сосновский отправился в кабинет главного врача. Оттуда, выпроводив предварительно хозяина кабинета, он позвонил Крапивину.

– Илья Валерьевич, а кто у вас председатель Междуреченского райисполкома?

– Междуреченского? – Голос полковника стал удивленным. – Рубцов Захар Пантелеевич. А что?

– Потом расскажу. А что за человек этот Рубцов?

– Коммунист, хороший хозяйственник. В Гражданскую воевал в этих местах, герой-партизан.

– Герой, говорите...

Сосновский положил трубку и задумался. А что, как раз это многое и может объяснить. Герой, боевой человек, партизанил. Мог из ревности в порыве гнева и убить. Или даже не в порыве, а из чувства ненависти. И не сам, конечно, подговорил кого-то, нанял, убедил. Может, подговорил кого-то из своих бывших и очень преданных ему лично бойцов своего отряда. Вот это поворот!

Чужака видели в семи километрах от поселка, насколько можно было верить словам мальчишки и карте местности. Паренек лет пятнадцати был смышленным и себя не выдал. Он сидел в кустах и смотрел на человека, который, судя по всему, сверялся с картой и что-то искал. Силки были пустыми, птицы сегодня не прилетали в этот перелесок, и мальчишка спокойно сидел и ждал, когда незнакомый мужчины в полушубке и валенках уйдет.

– Оружие у него было? – допытывался участковый.

– Автомат был, – уверенно заявил мальчишка и показал на Когана, – вон как у дяденьки.

– Все, парень. – Участковый нахмурил брови. – Дуй домой и в лес больше не суйся, пока мы чужака не найдем. Понял?

Буторин спрятал карту и поправил на ремне автомат. Отряд у них с Коганом получился маленький. Всего девять человек. Из комендатуры прислали «полуторку» с двумя автоматчиками, да сам участковый привез на своем мотоцикле двух сержантов из райотдела. И военный комендант, и милиция отреагировали оперативно. У них были ориентировки из НКВД, поэтому никто не стал тянуть резину, сразу прислали людей. Ну и самый ценный член группы – охотник Матвей Макарыч.

– Времени у неизвестного было в запасе много, считайте, часов восемь, – заговорил Буторин. – Можно бы и мужиков, охотников поднять для прочесывания. Да только какие бегуны из стариков, а нам пешком много придется преодолеть. Машина не везде пройдет, а мотоцикл и вовсе. Так что, товарищи, выход у нас один – послушаться Матвея Макарыча и выдвинуться туда, где мы можем перехватить неизвестного. Это наверняка диверсант из числа тех, кого мы ищем.

Идея была проста, и, наверное, в данной ситуации это было единственно правильным решением. Люди во всех прилегающих районах, всех населенных пунктах, которые находятся в радиусе ста километров, предупреждены. Но вряд ли этот человек с автоматом старался попасть в город или какой-то поселок. Скорее всего, его интересовало что-то в тайге. Значит, или схрон у них там, или его там ждет остальная группа. А это связник или разведчик.

Возложив на участкового милиционера командование всем поисковым отрядом, Буторин отправил его с проводником на машине в сторону речки Кедровки. Там между сопками самый хороший проход на северо-запад через тайгу. И поваленных деревьев мало, и гари нет, мелкого подроста тоже мало, потому что там каменистая земля. Разделившись, они там могут перехватить незнакомца. А Буторин с Коганом решили уйти севернее, к Моченой пади. Там в эту пору подмерзли болота, и местность стала проходимой. Если диверсанты знакомились с местностью, то могут воспользоваться этим обстоятельством. Например, передвигаясь к железной дороге через Моченую падь, они сэкономят пару дней, если не больше. Этим путем вообще можно выйти к Хабаровску.

– Вы как вдвоем-то? – участковый хмуро посмотрел на оперативников. – Может, пару бойцов возьмете? Ненароком нарветесь на банду, так вдвоем не отбиться. А если их там много?

– Не переживайте за нас, – усмехнулся Буторин. – Мы люди опытные. А если их там много, то мы подходить и показываться не станем. Много людей создают много шума и оставляют много следов. Да и вы, если что, услышите шум стрельбы. В тайге зимой воздух звенит, слышимость за десятки километров отличная. Жаль, что рация ваша не работает. Но мы найдем способ как связаться со своим руководством и сообщить детали операции. Давайте, не теряйте времени. В машину. Высадите нас через пятнадцать километров перед грядой.

Буторин и Коган шли уже около часа. Местами с подветренной стороны на открытых участках снега наметало по колено, а то и выше. И тогда оперативники углублялись дальше в тайгу. Приходилось почти постоянно осматриваться и прислушиваться. Видимость была ограничена, скрип снега выдавал шаги идущих людей. Правда, в кронах деревьев шумел ветер, часто ломались и падали ветки, и это создавало определенный природный шум тайги. Но опытный человек может запросто услышать других людей. А уж устроить засаду и перестрелять врага тут можно очень легко.

Коган, который шел по склону чуть ниже, вдруг предупреждающе поднял руку. Буторин сразу же за деревом опустился на одно колено и изготовился к стрельбе. Быстро осмотревшись, Буторин снова перевел взгляд на напарника. Борис поднял руку, а потом потыкал пальцем куда-то вниз и левее. Буторин перевел туда взгляд и только теперь разглядел цепочку следов. Неосторожно, покачал Виктор головой. Подготовочка у диверсанта хромает? Но уже через минуту он понял, что виной всему лишь случайность. Человек тоже шел по склону, но, видимо, поскользнулся и съехал вниз. Пришлось ему немного пройти по видному месту, чтобы отыскать удобное место, где можно снова подняться по склону чуть выше и укрыться за деревьями.

Буторин развернулся всем телом и расположился спиной к напарнику, пока тот изучал следы неизвестного человека. Опасность была, потому что этот неизвестный мог пройти здесь и три часа назад, и час, а мог и пять минут назад. И он мог увидеть, что за ним идут двое и что они увидели его следы. Наконец сзади послышались шаги и рядом на колено опустился Коган.

– Преимущество у нас час, не больше, – сказал Борис. – Поземка только-только улеглась на открытых участках, а следы глубокие и замечены почти под самую кромку. Где он поднимался вверх, там хорошо видно, что он обут в валенки. Как и тот, которого деревенский мальчонка видел.

– Он идет к болоту? Как нам его перехватить? – Буторин вытащил из-за пазухи карту и развернул ее на нужном участке. – Смотри, если он и дальше пойдет распадком, а ему вроде и нет резона менять направление, то выйдет вот сюда, к изгибу реки.

– Посмотри вот сюда, Витя, – Коган постучал по карте пальцем. – Если он пойдет по правому берегу и по распадку, то мы можем его опередить, если переберемся на левый берег и пойдем по нему. Там удобнее, скорость у нас будет больше, а из-за вот этого изгиба русла он нас вот на этом участке не увидит. А это примерно два часа ходу.

– На конце извилистого участка нам лучше разделиться, – предложил Буторин. – Вот здесь, где намытая каменная коса. Дальше вдвоем опасно топтать. Да и зажать его с двух сторон легче.

– Не просмотреть бы под снегом эту косу, – проворчал Коган. – Давай двигаться!

И снова оперативники пошли вдоль склона вперед, скользя по снегу, спотыкаясь о занесенные снегом пеньки и остатки поваленных сгнивших деревьев. И как только показался первый изгиб реки, они стали спускаться вниз. Следы человека, за которым они шли, были хорошо видны. Буторин даже подумал, что хорошо, что сейчас не лето. Летом они бы уйму времени потеряли на то, чтобы найти следы и не потерять. Сомнительно, что они смогли бы так случайно на них наткнуться. Скатившись по снегу к реке, оперативники побежали по открытому участку и сразу нырнули под раскидистые лапы елей. Отдышавшись и осмотревшись, решили, что никто их маневра не заметил. Да вроде и диверсанта впереди не видно. Рано еще, за пару часов, может быть, и удастся его нагнать. Он же тоже человек, тоже устал и голоден.

– Все, – переводя дух, выпалил Коган, – теперь ноги в руки и топаем на максимальных оборотах. Найдем косу – и на ту сторону. Никуда он от нас не денется. Он же не спешит, идет осторожно, силы бережет.

Буторин только кивнул в ответ, набрал в ладонь снега и вытер им разгоряченное лицо. Обтерев лицо воротником полушубка, он подхватил автомат и поднялся. И снова быстрым шагом они пошли вперед, иногда почти переходя на бег, там, где было мало снега и ноги не проваливались, не разъезжались. Берегли силы и старались не сбивать дыхание, потому что, возможно, уже через минуту придется стрелять. А что за прицельная стрельба, когда у тебя сердце в груди скачет и руки ходят ходуном.

Коган бежал первым, успевая крутить головой во все стороны. Буторин смотрел только на правый берег реки, где мог показаться враг. Но больше его занимал вопрос, где сейчас мог находиться участковый со своими бойцами. Если они прошли распадок и поднялись на гряде, то сейчас до них как раз километров пятнадцать. Может быть, и меньше, потому что группа идет медленно, бойцы же прочесывают местность, идут осторожно. Стрельбу Когана с Буториным могут услышать, но на помощь им не успеть. Могут прибыть только через пару часов, если не заплутают в тайге.

– Ложись! – заорал Коган, бросаясь вправо за дерево.

Буторин, еще не поняв, в чем дело и с какой стороны ждать опасности, повалился в снег, ломая кустарник и перекатываясь за большие камни, сползшие за последние сотни лет по склону в пойму реки. Короткая очередь, пущенная с противоположного берега, угодила как раз в эти камни. Каменное крошево полетело на голову, в воздухе уныло пропели от ricochetившие пули. Было слышно, как матерится Коган и как хрустит под ним снег.

– Ты цел? – крикнул Буторин, примериваясь, как лучше выглянуть из-за камней и не поймать пулю.

– Цел, обошлось, – проворчал Борис. – Ты их видишь?

– Их? – удивился Виктор. – Черт, а сколько их там?

– Думаю, что двое, хотя... – Коган помедлил, потом добавил: – Я заметил одного, он как раз нагнулся и за дерево юркнул. Так быстро, что я подумал, что нас заметил. А потом автоматная очередь. Этот не мог стрелять, значит, второй был. Чуть сзади первого шел.

– Сзади, говоришь? – зло прошептал Буторин. – А ну, засекай его. Сейчас выманю!

Сняв шапку и воспользовавшись тем, что его короткие седые волосы сливаются с белым снегом, что на таком расстоянии не сразу заметишь человека, Виктор выглянул из-за камней. Так, несколько деревьев, и не очень толстых. Вон первого видно, край полушубка торчит из-за сосны, росшей на берегу. Второй где-то сзади. Где он мог укрыться, откуда он стрелял или откуда будет стрелять? «Есть, кажется, понял, – подумал Буторин. – Камень, привалившийся к стволу толстой обломанной сосны. Точно, это камень, а не маленький сугроб. Ну, больше

ему сидеть негде, а стрелять он может только вперед и влево. Вправо ему будет тяжело повернуться. Где-то в подготовке и правда упустили у них тактику индивидуального боя», – хмыкнул Буторин.

Главным было не выманить одного, главное взять или уничтожить обоих. Взять сложнее, потому что неизвестно, сколько их, но помощи ждать неоткуда, а отступать нельзя. Понятно, что двое неизвестных – лишние свидетели для диверсантов, и они обязательно постараются любой ценой ликвидировать этих свидетелей. А ликвидировать всегда сложнее, чем преследовать. Инициативы из своих рук выпускать нельзя ни в коем случае. И, скомандовав Когану «смотри», Буторин выскочил из-за камней, пробежал несколько шагов и рухнул в присыпанную снегом промоину, тянувшуюся вдоль берега. Автоматная очередь прозвучала почти сразу, как только он упал. Пули свистнули над головой и чуть в стороне. «Стреляй, стреляй, у тебя патронов тоже кот наплакал, – подумал с усмешкой Буторин. – Что-то я патронного ящика на твоей спине не заметил и волокуши с патронами тоже».

Прикинув расстояние до другого берега, Буторин постарался посчитать, сколько секунд ему нужно, чтобы перебежать по льду. «Здесь метров пятьдесят-шестьдесят, – думал он. – Летом, да в удобных одежде и обуви, я бы перебежал это расстояние секунд за восемь или восемь с половиной. Даже этого времени автоматчику на том берегу хватит, чтобы прицелиться и срезать меня очередью. Бежать можно зигзагами и периодически падать, но он все равно, если умеет стрелять, срежет меня со второй, третьей, пусть четвертой очереди. А сейчас не лето, на мне полушубок и валенки, а под ногами снег и лед!»

Но выход был, авантюрный, но это выход. Самое главное, что он давал возможность сэкономить время, а значит, диверсанты не успеют сосредоточиться и сориентироваться. Диверсанты еще не поняли, сколько преследователей, кто они и как им быть в подобной ситуации. Стрелять или удирать? Все решают секунды. Буторин стиснул зубы, заранее злясь, потому что Коган будет против этого решения. А времени уговаривать его, приказывать ему нет.

– Боря, ждешь тридцать или сорок секунд, пока я доползу до конца промоины. Им меня не видно...

– Ты спятил? Убьют! – мгновенно набылчился Коган.

– Слушай, что говорю! – Буторин едва сдержался, чтобы не обругать друга. – Стреляй короткими очередями и одного, и второго держи на нервах. Найди вторую позицию, маневрируй и береги патроны. Чем сильнее отвлечешь, тем больше шансов у меня перебежать им в тыл на ту сторону. Все, начали!

Коган растегнул ремень, сбросил на снег овчинный полушубок. Под гимнастеркой у него было только теплое фланелевое белье и командирский свитер. Мороз не очень сильный, а сейчас ему будет даже жарко. По крайней мере, ничто не будет сковывать движения. Прицелившись, Коган дал короткую очередь всего в два патрона в диверсанта, прятавшегося за деревом, и сразу же короткую в сторону второго за камнем. Он видел, как брызнуло каменное крошево, и бросился вправо за следующее толстое дерево. Встав на одно колено за его стволом, он перевел дыхание и снова дал две коротких очереди в сторону одного, а потом второго диверсанта. Теперь ему ответили довольно серьезно. Несколько коротких очередей, и пули выбили кору на дереве, осыпали голову старыми иголками, со свистом прошли над головой.

«Сейчас они подумают, что я пойду назад к первому укрытию, – подумал Борис, чувствуя, как на него находит кураж. – А вот хрен вам, ребята!» И он снова кувырком вправо преодолел расстояние до следующего дерева с толстым стволом. Автоматные очереди запоздали. Коган тут же вскочил в полный рост, выстрелил в диверсанта за камнями и перебежал еще вправо. «Теперь они будут думать, что я их окружаю. Пусть, пусть они забудут про Виктора, пусть думают, что убили его. Пусть вообще пытаются понять, что происходит», – билась в голове мысль.

Бросив взгляд в сторону Буторина, Коган кивнул другу. Тот был готов к броску. Лучше бы это был не бросок, а медленное переползание, но оно опаснее и вредно для дела. А ведь правильно Виктор расценил ситуацию. Тот второй за камнем, он ведь сзади открыт, ему удобнее стрелять по нему влево от себя. Вправо через автомат поворачиваться всегда неудобно. И Коган выстрелил, потом еще и еще. Несколько очередей заставили диверсанта спрятаться за камень, но первый за деревом начал активно стрелять, прикрывая товарища. Одна из пуль прошла так близко от виска Когана, что голову обдало жаром. «Ну, это жар не от пули, – усмехнулся он, – это жар от нервов».

Давая очередь за очередью, Коган быстро поменял магазин в автомате и наконец посмотрел на напарника. Буторин, пригнувшись, бежал в одной гимнастерке на другой берег. И он преодолел уже почти половину расстояния. И тут его заметил второй диверсант, прятаящийся за камнем. Он что-то крикнул своему товарищу и вскочил, почти открывшись. Коган опоздал всего на секунду, и над замерзшей рекой хлестнула сухая автоматная очередь. Буторин сделал еще два шага и полетел на снег среди белых фонтанчиков, поднятых пулями. Коган выпустил длинную очередь, опустошив вторую обойму.

Резко выдернув пустой магазин из автомата, он схватил полный, но тут над его головой засвистели пули. Две угодили в дерево, и он юркнул за его толстый надежный ствол. Но, самое главное, он успел заметить, что диверсант за камнем не стрелял, а Буторин вскочил и снова побежал к берегу. Еще пара секунд – и он добежал до крайних деревьев. Все, добрался, в укрытии, решил Коган, теперь и мне можно поменять позицию. Перебежав еще дальше вправо и снова спрятавшись за дерево, он посмотрел на противоположный берег. Буторин, пригибаясь, перебежал от дерева к дереву. Вот он достиг камня, за которым прятался диверсант. Нагнулся. Снова выпрямился.

А потом на берегу поднялась отчаянная стрельба. Буторин и диверсант обменивались короткими очередями. Еще несколько очередей – и все стихло. Коган даже не успел рассмотреть, где был противник Виктора и как можно было помочь напарнику, куда стрелять. Он видел, как Буторин не спеша поднялся по склону, остановился возле толстой сосны, нагнулся и взял автомат. Он поднял руку с автоматом и качнул ею из стороны в сторону, делая знак, что все закончилось. Собрав полушубки и расстрелянные обоймы, Коган перешел на другой берег и остановился возле напарника. Тот стоял, рассматривая два трупа, которые он успел положить рядом, и засунув руки глубоко в карманы ватных штанов.

– Вот такие дела, Боря.

– Молодцы мы с тобой, – проворчал Коган. – Два трупа в геройской перестрелке. Легенды разведки, в анналы записать наши имена, в учебники.

– Я-то ладно, с двадцати метров его уложил, когда он кинулся чуть ли не в атаку на меня. Мне показалось, что у него в руке граната. А вот как ты умудрился через всю реку с шестидесяти метров застрелить человека, находящегося в укрытии?

– Учись, пока я жив, – бросая на снег полушубки, ответил Коган и, опустившись рядом с первым трупом на корточки, начал обыскивать его.

Составив на всякий случай портретные описания убитых, оперативники двинулись дальше, оставив тела на снегу. Наверняка лисы обглодают лица, потом личности устанавливать будет сложнее. Но иного выхода не было. Теперь нужно как можно скорее сообщить Шелестову о ситуации и двух убитых диверсантах, которые что-то делали в тайге юго-западнее Хабаровска.

Они прошли около полутора часов, когда Коган остановился и повел своим большим носом. Буторин тоже принюхался. Где-то горел костер, пахло дымком, а это значит – поблизости люди. Ветер не был встречным, значит, люди очень близко. Оперативники медленно сняли с плеч автоматы, прислушиваясь, и тут раздался приветливый голос.

– Эй, товарищи! Что за стрельба была? Это не ваши там стреляли? Военные маневры, что ли?

Буторин увидел мужчину в ватных штанах, в телогрейке и валенках. Тот стоял с топором в одной руке и несколькими толстыми ветками в другой. Безмятежная улыбка этого человека вызывала по меньшей мере раздражение. В тайге диверсанты бродят, а этот тут как на курорте. Дрова для костра собирает. И наверняка он не один. Кого же это власти не успели предупредить, чтобы не совались в тайгу? Ну, не турист же это, не похож он на туриста.

– Кто вы такой? – подходя вплотную к незнакомцу, осведомился Буторин.

– А вы-то кто? – так же весело, но с твердыми нотками в голосе отозвался мужчина, тем не менее бросив взгляд вокруг. – В тайге принято все взаимно делать. И помогать, и спрашивать, и отвечать.

– НКВД, – коротко ответил Буторин и показал свое удостоверение. – Надеюсь, этого достаточно для того, чтобы задавать вам вопросы и не отвечать на ваши? Даже в тайге.

– Тем более в тайге, – добавил Коган, стоя в двух шагах справа, как и положено, на случай неожиданного нападения как незнакомца, так и его возможных сообщников.

– А-а, ну тогда вопросов нет, – кивнул мужчина и перестал улыбаться. – Служба, понимаю. А мы геологи, геологоразведочная партия.

– Зимой? – недоверчиво уставился на него Буторин.

– И зимой случается, – пожал мужчина плечами. – Пойдемте-ка в наш лагерь, горячего выпьете или поедите. А зимой приходится работать, потому что такие места есть, куда летом не доберешься. Болота. А зимой они промерзают. Конечно, труднее зимой, но работа есть работа. Стране нужны полезные ископаемые. Война же.

Лагерь состоял из небольшой палатки на несколько человек, пары больших санок, видимо для перевозки имущества геологов, и костра, обложенного камнями, над которым висел котелок. Вокруг костра на обрубках стволов деревьев сидели пять мужчин. Одеты все примерно одинаково: в ватную теплую одежду, меховые шапки. У кого валенки, у кого летные унты. Все небритые, а то и бородатые, явно геологи находились в тайге не один день и не неделю. Коган обратил внимание на два охотничьих ружья, стоявших возле палатки, а на коленях одного из геологов лежал охотничий карабин. Один из геологов с угрюмым видом подкладывал в костер дрова, он даже не поднял на гостей глаза. Зато другой, плечистый, с кобурой «нагана» на ремне, поднялся навстречу. Наличие оружия не удивило Буторина. Он прекрасно знал, что геологи в тайгу без оружия не ходят. Хищники, голодно им зимой. Тем более что в этих местах встречаются и тигры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.